

Наши интервью

Ленинградская — 1982 — 18 ноября.
Моя страна — сцена

— Я ВСЕГДА констатирую: моя страна — сцена, моя национальность — танцовщик. Поэтому держался вне политики. Но с приходом Горбачева стал интересоваться тем, что происходит в России. Я чувствовал, что нечто подобное обязательно произойдет, но лет через пятьдесят. Однако случилось на двадцать пять лет раньше. Русские всегда ждали принца. И вот он пришел и делает необыкновенные вещи.

Этим словами знаменитый танцовщик и известный балетмейстер, выпускник Ленинградского хореографического училища **Рудольф НУРЕЕВ** начал интервью в своем номере на седьмом этаже гостиницы «Ленинград», из окон которого открывается ни с чем не сравнимый вид на берега Невы. Вчера, двадцать восемь лет спустя, артист вновь вышел в «Сильфиде» на первую в своей жизни сцену Кировского театра.

— Все эти годы меня тянула эта сцена, Ленинград — этот благородный город, который никуда не торопится. Его красота вечна и стоит в одном ряду с Парижем, Лондоном, Римом...

В 1961 году Нуреев, молодой солист прославленного Кировского балета, будучи на гастролях, остался в Париже.

— Да, не скрою, я ехал в ту поездку с мыслью не возвращаться. Но не хватало сил решиться на это. Пошел в церковь и впервые в жизни обратился за помощью к богу, хотя не верил и не верю ни в кого и ни во что. А в гостинице от сопровождавшего нас чиновника узнал, что в Лондоне гастролы продолжатся без меня, мне же следует отправиться домой. Я взял такси и уехал. Не будь этого, сам бы я, наверное, не решился.

— Вы жалеете о том дне?

— Нет. Я ситалец, и, если больше двух недель сижу на одном месте, у меня начинают ныть кости. Это уже болезнь. Я слуга своего таланта. И все мои эмоции зависят только от этого. Работа, работа, работа.

— Вы женаты?

— Нет.

— А как с ностальгией?

— Понимал, что она может захватить меня, с первых шагов на Западе отрезал все контакты с эмигрантами. Впрочем, пожалуй, была ностальгия профессиональная. Допустим, ставлю «Спящую» и вспоминаю, как Наталья Михайловна Дудинская делала то или иное движение. В силу своего характера, отношения к жизни, профессии я отправляюсь в ту или иную точку мира только в том случае, если там есть для меня работа. И в Ленинграде потому, что мне нуда интереснее выступить на родной сцене, чем

же классику. В этом смысле даже «Лебединое озеро» может стать новаторским спектаклем.

— Что вы хотите сказать ленинградцам, любителям балета, с которыми давно не встречались?

— Откройте ваши глаза, отомните уши. Наслаждайтесь!

С гостем беседовал
В. ГРОНСКИЙ

На снимке: репетиция
«Сильфиды».

Фото И. Шувалова

провести неделю на моем острове в Средиземном море, который я недавно купил неподалеку от Неаполя, где, кстати, оборудована большая студия, где можно ставить спектакли.

Конечно, мне было очень приятно и тепло побывать в училище, встретиться с моим педагогом **Анной Ивановой Удальцовой**, постоять у палки, где пролито столько пота, зайти в столовую, куда бегал мальчишкой, встретиться с одноклассниками. И все же эти эмоции выбивают мысли о работе. Хотел бы поставить балет в Ленинграде, сделать фильм-балет с советскими артистами на Ленинградском телевидении. Как старый хитрец, я имплантирую идеи. Может быть, кто-то откликнется.

— Вы, конечно, видели выступления советских балетных трупп за рубежом. Что можете сказать о своих коллегах, глядя со стороны?

— На мой взгляд, советский балет пострадал из-за отсутствия постоянного обмена с Западом. Не аливалось свежей крови, новых идей. Школа **Баланчина**, которая изменила эстетику танца на всей земле, не коснулась русского, советского балета. А это совершенно иная технология, в которой музыкальность, комбинации, фразировка основаны на стопе, ставшей важнейшей частью тела танцовщика. Я уверен: советскому балету нужна своеобразная инъекция **Баланчина**, который, к слову, начинал свои эксперименты на сцене Кировского. Нужно смелее привлекать к постановкам лучших балетмейстеров мира. У советских мастеров толпе есть много идей, а языка для их воплощения уже не хватает. Разные школы обогащают да-

